

- ⁶⁶ Топоров В.Н., Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962, 223–224.
- ⁶⁷ Основы финно-угорского языкоznания, 414 (авторы К. Редеи и И. Эрдейи).
- ⁶⁸ Филин Ф.П. Об областном словаре русского языка// Лексикографический сборник. Вып. II. М., 1957, 8.
- ⁶⁹ Поступов Е.М. Географические названия мира. Топонимический словарь. М., 1998, 355.
- ⁷⁰ Трубачев О.Н. Indoarica в Северном Причерноморье // Этимология 1979. М., 1981, 123–124.
- ⁷¹ Лезина И.Н. Суперанская А.В. Об этнотопонимах Крыма // Тюркская ономастика. Алма-Ата, 1984, 83.
- ⁷² Загоровский В.П. Историческая топонимика Воронежского края. Воронеж, 1973, 119.
- ⁷³ Прохоров В.А. Надпись на Карте. Воронеж, 1977, 147; Загоровский В.П. Историческая топонимика Воронежского края, 109. Ср. также: Барандаев А.В. Раменское// Русский язык в школе. 2005. № 3.
- ⁷⁴ Маштаков П.Л. Список рек Днепровского бассейна. СПб., 1913, 49.
- ⁷⁵ Стрижак О.С. Назви річок Полтавщини. Київ, 1963, 59–60.
- ⁷⁶ Трубачев О.Н. Названия рек Правобережной Украины. М., 1968, 209 со ссылкой на: Krahe H. Die Struktur der alteuropäischen Hyrdonymie. Wiesbaden, 1963, 32–33.
- ⁷⁷ Словарь русского языка в четырех томах. Т. III. М., 1959, 851; т. IV. М., 1961, 698.
- ⁷⁸ Словарь русского языка в четырех томах. 2-е изд. Т. III. М., 1984, 638; Т. IV. М., 1984, 511.
- ⁷⁹ Большой энциклопедический словарь. Т. 2. М., 1991, 241, 530.
- ⁸⁰ Советский энциклопедический словарь. М., 1983, 1097. Ср., однако: Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М., 1984, 445: “ПОДРАМЕНЬЕ еловый лес вдоль речной долины на перегнойных и илисто-торфяных почвах”.

Л.П. Дронова

ПРЕКРАСНЫЙ КРАСНЫЙ*

В настоящее время все шире распространяется представление о том, что языковые процессы не могут быть адекватно объяснены при их разделении на синхронные и диахронные¹. Традиционно важность отношений между двумя этими подходами в исследовании языка определялась объяснительным характером диахронического анализа по отношению к синхронному. Становление антропоцентрической лингвистики, активно осмыслиющей свои задачи и возможности, серьезные наработки современной лексической семанти-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант 05-04-04141а.

ки (прежде всего труды Ю.Д. Апресяна и его школы) позволяют в практическом аспекте ставить вопрос (ранее обозначенный В.И. Абаевым, О.Н. Трубачевым, В.Н. Топоровым и др.²) о верификационном качестве семантических исследований, ориентированных на актуальные системные связи в языке, по отношению к диахронным построениям (иначе говоря, возможность смещения акцента на верификационную значимость данных синхроний для диахронического исследования).

С другой стороны, актуальность обращения к этой теме мотивирована уже имеющимися результатами проработки семантической стороны реконструкции в компаративистике (это прежде всего в связи с созданием ЭССЯ, этимологических словарей в других центрах славистики, исследовательским интересом в славистике к исследованию системных связей праславянского языка, межсистемных отношений славянских языков – омонимии, синонимии (изосемии), к реконструкции этимологического гнезда на семантических основаниях³).

Исходя из вышесказанного, предлагаем рассмотреть слово со сложным этимологическим решением (*красный*), используя эвристические возможности семантической деривации лексического гнезда на пространстве всех родственных (славянских) языков, в частности праславянских гнезд **kras-* и **květ-*, семантическая структура которых “обнаруживает очень большую степень семантической “связности”, то есть выводимость одних значений из других” (С.М. Толстая)⁴. Семантика единиц того и другого гнезда создает большой общий спектр, который структурируется значениями из области вегетации растений, значениями из области физиологии человека, свадебной семантикой, семантикой света и некоторыми другими направлениями семантической производности⁵.

Номинацию цветения (иногда всходов) растений, самого цветка, пыльцы в большинстве славянских языков выполняют производные корня **květ-* (рус. *цветок*, *цвести*, польск. *kwiat*, *kwitnąć*, с.-хорв. *цвет*, *цвасти* и т.д.). Но в ряде языков и диалектов (прежде всего восточнославянских) в этой позиции находятся продолжения корня **kras-* (блр. диал. *краса* ‘цветение злаковых растений, садов, опыление’, блр. тур. *краса*, *краска* ‘пыльца злаков’, рус. диал. *краса* ‘цветение злаковых’, *краска* ‘цветок’, *красоваться* ‘цвести (о ржи)’ и т.д.). И если в группе значений из области физиологии человека значение ‘кровь’ представлено главным образом лексемами с корнем *крас-* (ср. рус. диал. *краска* ‘кровь’ и др.; хотя имплицитно это значение может присутствовать и в производном от корня *цвет-*, например, рус. донск. *цветный* ‘цветущий (о человеке)’ как ‘полнокровный, здоровый’), то для обозначения женских месячных (реже послеродовых) очищений и для представления вегетативной

метафорой “пика” жизни, полноты жизненных сил, производительных сил человека (прежде всего женщины) широко используются образования от обоих корней. Причем, по мнению С.М. Толстой, это не “поверхностные” метафоры, а номинации, выражающие глубинные смыслы, относящиеся к сфере производительных сил человека (отчасти и животных). Слова с корнями *крас-* и *цвет-* также могут выступать в функции ключевых вербальных символов свадебного обряда (прежде всего в восточнославянской традиции, частично в западнославянской и в меньшей мере в южнославянской). Обозначение небесного, солнечного света представлено прежде всего производными корня *крас-*, но этимологически исходная семантика ‘яркий цвет и свет’ у праслав. **květ-* (< и.-е. ‘белый, светлый’), реализацию ее можно видеть, например, в рус. диал. *цвести*, *цветать* ‘рассветать’ или серб. *цвет* ‘пламя свечи’, *цветати* ‘гореть, пламенеть (о свече)’. Основные, наиболее ярко проявленные линии семантической филиации обоих гнезд вместе с еще нескользкими характерными для производных этих корней значениями (значения, связанные с цветом, окраской, окрашенностью предмета, пестротой, оценочные значения типа ‘красивый, прекрасный’ и – как специальные – обозначения жира, скромного) проявляют мотивированность семантической деривации для обоих гнезд в такой степени, что автор сопоставительного анализа заключает: «Это почти “текст”»⁶.

Что же показывает диахронический анализ словообразовательно-этимологических гнезд **kras-* и **květ-*? Как диахронически простраиваемая семантика соотносится и объясняет сложившийся современный спектр значений, какова относительная хронология и какой “культурной памятью” порождено семантическое сближение, “сионимизация” этих гнезд?

Для производных корня **kras-* это может предполагать семантическое развитие (если вслед за С.М. Толстой принять позицию О.Н. Трубачева⁷) от ‘цвет жизни’ к ‘красный’ (цвет, румянец лица), далее ‘цветение’, ‘цвет’ (растение) и затем – более общее – ‘красота’ (так же ЭССЯ 12, 97). Направление семантического изменения производных корня **květ-* – от ‘блестящий, светлый, белый’ к ‘цвет, окраска, цветение’ и ‘красный’ (цвет). В этом случае следует, кажется, видеть явленные в языке две линии формирования понятия “цвет”: 1) ‘красный’ (как цвет жизни) → ‘цвет, цветение’, 2) ‘светлый, белый’ → ‘цвет’ → ‘красный’. Из сравнения предполагаемых семантических моделей развития этимологических гнезд получается, что основа сближения данных семантических пространств – общее значение ‘цвет’. Можно ли объяснить синонимизацию по значению ‘красный’ только системностью лексики, результатом “выравнивания” семантических структур синонимичных гнезд? Или за этим

стоит все же специфика когнитивной “упаковки” разноцветного реального мира?

Праславянское **květ-* считается продолжением индоевропейской основы **k'woit-* (:**k'weit-*) в значении ‘белый, светлый’, реализовавшуюся как в славянских языках (слав. **květъ*, **kvisti* в ст.-слав. *цвисти*, др.-рус. *цвьсти* и др.; словен. *cvēt*, чеш. *květ*, укр. *цвіт* ‘цвет, цветок; цветение’, в.-луж. *kwět* ‘цвет; цветок’, др.-рус. *цвѣтъ* ‘цветок’, ‘цвет, краска’, рус. *цвет* ‘окраска’ и т.п.), так и в балтийских (литов. *šviesà* ‘свет’, *šviesùs* ‘светлый’, *šviesti* ‘светить’, *švaitýti* ‘светить, освещать (лучами)’), в индо-иранских (др.-инд. *śvēta-* ‘белый, светлый, блестящий’, *śvitrá* ‘белый, седой’, авест. *spaēta* ‘белый’), в германских (гот. *hwēits*, англ. *white* ‘белый’) языках (Фасмер III, 575; Черных II, 145; Рокоту I, 541); сюда и слав. **světъ* (относительно этимологии и объяснения кентумно/сатэмной реализации производных данного и.-е. гнезда см. (Фасмер IV, 292–293; ЭССЯ 13, 162–163, 167; Machek 312). Для нас важно отметить тот факт, что значения ‘цвет’ ‘цветок’, ‘цветение’ производны от исходного ‘яркий цвет/свет’ ~ ‘белый’ и что это собственно славянская семантическая инновация (в близкородственных балтийских языках это понятие выражено иначе: литов. *žiedas* ‘цветок’, *žydéti* ‘цвести’).

С определением генетических связей слав. **kras-* дело обстоит еще сложнее: не вызывает сомнений исследователей только “ближняя” реконструкция (Фасмер I, 368, Черных I, 440 и др.), а дальше вопрос решается, в общем-то, традиционно, на уровне корневой реконструкции. Соответственно, имеется ряд вариантов решения проблемы происхождения слова *красный*. Так например, О.Н. Трубачев считает *красный* производным от *краса*, которое, в свою очередь, сближается с *кресать* как **‘создавать, творить’*, однокорневые образования при этом – лат. *creō* ‘создавать, производить’, *crescō* ‘растить’ (это сближение предлагали еще Ф. Фортунатов, Э. Бернекер, но с иной аргументацией; ЭССЯ 12, 95–97); В.И. Абаев предполагает генетическую близость *красный* и *черный*, ссылаясь на типологически возможное осмысление ‘черного’ как ‘красивого’ (Абаев IV, 273–274); Э. Бернекер видел в *красном* производное от *краса*, которое он сопоставлял с литов. *krósniš* ‘печь, очаг’, лтш. *krâsns* ‘печь’ (**krasa* – ‘жар, (огненный) блеск’ → ‘красота, красивый’ → ‘красный’), против этого сближения выступил Э. Френкель; Ф. Миклович допускал возможность этимологических связей слав. **krasa* и гот. *hrōþ-* ‘слава’, исл. *hrōsa* ‘хвалить’ и т.п. (см. обзор этимологий ЭССЯ 12, 95–97).

Сравнивая предлагавшиеся этимологические решения с результатами описания С.М. Толстой словообразовательно-этимологического гнезда слав. **kras-*, куда входит *красный*, видим, что ни одно из предполагавшихся исходных значений не получает поддержки в се-

мантическом “тексте” однокорневых производных в славянских языках, не выясняет оснований возникшего функционального сближения производных **kras-* и **květ-*, то есть “горизонтальное” простраивание этимологического гнезда в славянских языках не получает поддержки предлагавшихся “вертикальных” построений.

Обращение к фактам славянской письменности показывает, что производное от корня **kras-* как конкретное цветообозначение (‘красный’) – весьма позднее и локальное явление, известное в основном в восточнославянском ареале (в продолжениях древнерусского, в польском языке), в остальных славянских языках его нет (ср. др.-русск. *чърмънъ*, др.-рус. *чървенъ* и их соответствия в других славянских языках; Фасмер IV, 334). Реализация слав. **krasъпъ(jь)* является общеславянской только в значении ‘прекрасный, красивый’ (Фасмер I, 368; Черных I, 440 и др.). Эта ареальная ситуация не есть явление позднее или вторичное, то есть нет оснований предполагать утрату *красный* как цветообозначения на остальной территории Славии. Об этом свидетельствует письменная история слова *красный* и близкородственных ему слов. Так, производящее для *красный* др.-русск. *краса* встречается в текстах сначала в значении ‘радость’ (как соответствие греч. τρυφή от τέρπω ‘услаждать, радовать’; XI в.), затем – ‘украшение, красота’ (XIV–XV в.в.), ср. с.-хорв. поэт. *krâc*, укр. диал. *крась* ‘красота’. *Красота* в древнерусском – это ‘великолепие, тонкость, остроумие’ (Х в.), ‘красота, прелесть’ (XI в.); *красоватися* ‘радоваться, наслаждаться’, со сходными значениями употребляется и прилагательное *красный* – ‘красивый, прекрасный’ (XI в.: *Бяше же красынь лицъмъ*), ‘очень хороший, превосходный, да-рующий радость, благодатный’ (*Красный свѣтъ* ‘благодатная земля, мир’), ‘главный, парадный’ (двор, крыльцо; 1157 г.), в сост. сказ. ‘уместен, удобен’ (1076 г.: *Красына есть милостини въ врѣмѧ ск(ъ)рби...*) (Словарь XI–XVII вв. 8: 15, 19–20).

Лишь приблизительно с XIV–XVI вв., как отмечают исследователи⁸, появляется *красный* как обозначение цвета – ‘красный’, а также ‘бурый, рыжий, карий, коричневый с красноватым оттенком’. Пример из “Хождения Стефана Новгородца” (1347), который М.А. Суровцова⁹ считает наиболее ранним цветообозначением для *красный*, далеко не бесспорен, скорее здесь можно видеть реализацию значения ‘пестрый’ (*Единъ столпъ, иже бѣ Иисусовъ, отъ зелена камени, с прочернью, а другой Петровъ тонокъ, аки бревенце, вельми красенъ, есть прочернь и пробѣль, видом аки дятлень*). Более однозначны примеры XV–XVI вв. (1516 г.; *красная лисица, красный воск* ‘воск с примесью красной краски’, *красные блины* ‘блины из гречневой муки’) и ‘крашеный, цветной’ (1589 г.: *тритцать яицъ сырыхъ да десять красныхъ; 1649 г.: сто ложекъ красныхъ вятскихъ*) (СлРЯ XI–XVII вв. 8, 20).

В приложении к материалу сопоставительного описания гнезд **kras-* и **květ-* (статья С.М. Толстой) ареально-историческая оценка рисует парадоксальную картину: цветообозначение от **kras-* возникает относительно поздно и на ограниченной и компактной территории (фактически это пространство Древней Руси, включая западно-русские земли с прилегающими польскими, где, как известно, существовала подвижность государственных границ и “руска мова” была основным языком Великого княжества Литовского), но в языках всей Славии производные от **kras-* используются для обозначения реалий, явлений, соотносящихся с красным цветом!

Выявленная изосемичность этимологических гнезд **kras-* и **květ-* позволяет предложить решение вопроса об исходном значении для *красный* ‘красивый’ и *краса* ‘красота’: ‘красивый’ < ‘цветной/красочный’, ‘красота’ < ‘выделенность цветом, “цветистость”, красочность’. К подобному выводу о внутренней форме прилагательного *красный* пришла и исследовательница древнерусских религиозных текстов В.А. Матвеенко, основываясь на наблюдениях, что “лексемы свет и красота сочетаются как равноправные, соединяются союзом и”, что “свет придает всему красивый и сладкий вид”: “К зрительному восприятию прекрасного относятся производные света – цвет, многоцветье, пестрота” (ср. в изображении рая: “Цветы красны и вельми пестры”)¹⁰. Здесь можно сослаться и на данные современного психолингвистического эксперимента, когда респонденты понятие “цвет” передавали через “пестрый”¹¹. Исследование Р.В. Алимпиевой ЛСГ цветообозначений красного тона в русском языке дает сходный результат: “Семантическая значимость признака “яркий” как семантической темы, конструктивно важной для ЛСГ цветовых прилагательных со значением красного тона, проявляется и в том, что компоненты данной ЛСГ могут вполне мотивированно употребляться при цветовой характеристике тех реалий, которые не обладают рассматриваемой цветовой тональностью (или обладают ею в такой незначительной степени, при которой красный цвет выступает уже не как цвет, а лишь как едва заметный оттенок красного цвета), однако вызывают ощущение цвето-световой яркости”¹². Это наблюдение-вывод Р.В. Алимпиевой дает ответ на вопрос, почему при относительно позднем и локальном возникновении цветообозначения от **kras-* в языках всей Славии его производные используются для обозначения реалий, явлений, соотносящихся с красным цветом, и почему производные от **květ-* могут быть им функционально близкими.

Что же диахрония, этимология и типология? Подтверждают ли они как исходное значение ‘цветной, яркий/выделенный цветом’ для слав. **kras-* ‘красивый’ и др.-рус. ‘красный’, какой конкретный признак обобщен значением ‘цветной’?

В этой ситуации, очевидно, следует обратиться к истории самого явления цветообозначения у индоевропейцев. Существует мнение, что первыми в цветовой гамме древних носителей индоевропейских языков были выделены черный, белый и красный цвета¹³. В.У. Тернер, исследуя особенности цветовой классификации в примитивных культурах, отметил, что, например, в языке ндембу наименования белого, черного и красного – единственные ЦО, относящиеся к разряду основных: все прочие цвета передаются производными терминами или описательными и метафорическими выражениями. Особенности функционирования ЦО в примитивных культурах позволили сделать вывод, что эти три цвета не только воплощают в себе основной телесный опыт человека (связанный с удовлением полового влечения, голода, чувства агрессивности и т.п.), они также обеспечивают своего рода первичную классификацию действительности¹⁴ Архаичность базовой части цветообозначений в индоевропейских языках подтверждается наличием определенного количества прайзыковых основ со значением ‘темный/черный’, ‘светлый/белый’, ‘красный’¹⁵. Это, в свою очередь, дает основание и возможность посмотреть предполагаемое на материале славянских языков семантическое развитие производных слов. **kras-* и **květ-* на более глубоком хронологическом уровне как семантическую эволюцию в синонимичных гнездах, специализирующихся в индоевропейских языках на цветообозначении.

Славянская основа **květ-* ‘цвет’ ‘цветок’, ‘цветение’, как выше отмечено, обнаруживает глубокие исторические корни со значением ‘яркий цвет/свет’ ~ ‘белый’. Что же является производящим, мотивирующим предполагаемого для **kras-* значения ‘цветной’, ‘цвет’ (> ‘красивый’, ‘красота’)? Ответ на этот вопрос могут подсказать факты, отмеченные в северо-восточной группе иранских языков (близких языковой среде, явившейся субстратом для восточнославянской группы языков). В.И. Абаев, рассматривая генетические связи осет. *xuzlxuz* ‘цвет’, ‘вид’, ‘образ’, ‘портрет’ (‘вид’ часто употребляется синонимично значениям ‘хороший вид’, ‘красота’), сближает его с согд. *kršn* ‘вид’, ‘ внешность’, ‘облик’, *kršn’w* ‘красивый’, *qršn’wty* ‘красота’, объясняя развитие *kṛś-* → *xuš*, *š* → *z*, отпадение конечного *-n-* как достаточно известное, прецедентное (ср. осет. *xus-næg* ‘вор’ из **kṛšnaka-*, перс. *rušt* ‘спина’ из *ṛjṣta-*; осет. *lawyz* ‘лепешка’ из *lawaš*; *rūxš* ‘свет’ из **rauxšna-*). Эти иранские лексемы вряд ли следует отделять, как полагает В.И. Абаев, от др.-инд. *kṛṣṇa-* ‘черный’ (сюда же имя бога Кришны) и лит. *kéršas* ‘черный с белыми пятнами’. Для подтверждения семантической совместимости семантики ‘черного’ и ‘красивого’ (→ ‘красный’) В.И. Абаев ссылается на выражения типа “черные очи” в русском, *saw lærrpī* “бравый моло-дец”, досл. “черный парень” в осетинском и на прямую, по его мне-

нию, семантическую параллель с чеш., польск. *chory* ‘черный’ и russk. (диал.) *хорость, хорости* ‘красота, краса, пригожесть’ (Абаев IV, 273–274). Определение генетических связей осет. *xuz/xuz* завершается предположением о возможных соответствиях в славянских языках. Соглашаясь с общепринятым включением в круг родственных слов слав. *č̄yrnъ(jь) ‘черный’ (и.-е. корень *ker(s)-, основа *k̄rs-no-, на слав. почве *k̄rn- < *k̄rsn-,ср. прус. *kirsna*; см. Рокоту I, 583; Mayrhofer I, 264; Fraenkel 245; Фасмер IV, 346 etc.), В.И. Абаев полагает, что с др.-инд. *kṛṣṇa* ‘черный’ следует сблизить и слав. *krasъnъ, *krasa (Абаев IV, 273–274).

Предлагаемое включение слав. *krasъnъ в этимологическое гнездо и.-е. *kers- как продолжения и.-е. *k̄rs-no-, при наличии семантической корреспонденции сближаемых лексем северо-восточной группы иранских и славянских языков (‘цветной’ и ‘красивый’) объясняющее семантическую предысторию прилагательного *красный*, в то же время возвращающее к вопросу о формальной стороне реконструкции (этую сторону вопроса В.И. Абаев не рассматривает). Дело в том, что не имеющая соответствующих формальных вариантов в славянских языках, единообразная корень/основа *kras-(-ъn-) не может быть признана закономерным продолжением и.-е. *k̄rs-(-no-) (как, впрочем, и других аблautных вариантов этого корня: предположение об отглагольном характере имени *krasa с долгим/продленным корневым гласным *a* (*ə), образованного на базе глагола с корневым *e*, повисает из-за отсутствия/невыявленности такого глагола). Такая ситуация предполагает проверку решения вопроса в иной плоскости: возможным выводом здесь может быть определение слав. *kras-(-ъn-) как результата ранних тесных межкультурных отношений славянского мира с иной этнокультурой. Во-первых, семантическая корреляция у слав. *kras-(-ъn-) только с рядом лексем северо-восточной части иранских языков (имевших отношение к формированию славянских языков на разных этапах славянской истории). Во-вторых, из языков, исторически тесно связанных со славянскими языками, такой аблautный тип возможен в иранских языках (CRC-: CarC-: CraC-, где R – слогообразующий сонант)¹⁶; ср. иран. *barg-: *bṛg-, *brag- ‘восхвалять, прославлять, почитать’ из арийск. *bharg-, *bhrag-: *bhrāj-, сопоставляемого с др.-инд. *bhárga-* ‘блеск, сияние’, *bhrājate* ‘блестеть, сиять’, *bhr̥gu-* имя мифического существа, культовый титул¹⁷). Учитывая эти формально-семантические моменты, можно предположить, что перед нами скорее всего результат славяно-иранских культурно-языковых отношений.

Остается не совсем ясным соотношение значений ‘черный’ и ‘цветной’/‘красивый’, условия этого семантического перехода: ведь основа *k̄rsn- “специализирована” в индоиранических (индийских, дард-

ских, нуристанских, иранских), в балтийских и славянских языках на обозначении черного цвета¹⁸, и в этом случае осетинские и согдийские корреспонденции, восходящие к этой основе (для согдийских весьма вероятно заимствование из санскрита, буддистских текстов) являются ареальной семантической инновацией. Что же спровоцировало это семантическое изменение? Вариативность исходного (генетически заданного) семантического потенциала или внешнее, историко-культурное воздействие? Представляется, что здесь имело место и то, и другое.

Относительно причин, обусловивших рассматриваемую семантическую инновацию в северо-восточной группе иранских языков, можно предположить, что это могло быть следствием взаимодействия скифо-сарматских племен с кельтами (ср. следы влияния скифов и других восточных народов на латенское искусство¹⁹). В данном случае мы имеем в виду определенный аналог ирландскому *cruth* (род.п. *crotha*) ‘внешность’, ‘вид’, ‘красота’; ‘манера, способ действия’ (в Р-кельтских языках ср. вал. *pryd* ‘внешний вид’, ‘форма’, ‘цвет лица’, ‘цвет’, ‘красота’ и ‘время, момент’, ‘еда (в установленное время)’ и т.п.²⁰). Вероятно существование и в континентальном кельтском ареале лексемы, формально и семантически подобной ирл. *cruth* (с последствиями устного способа бытования), хотя и соотносящейся с другим источником происхождения (< и.-с. **kwrītu-* < **kwr̥-tu-* с переходом *-i-* в *-i-* под влиянием лабиовелярного *k*; продолжение и.-е. **kwer-* ‘делать, совершать’²¹).

Здесь важно особенно то, что в семантическом пространстве кельтских однокорневых слов тесно связаны значения ‘внешний вид’, ‘цвет’, ‘красота’ и ‘цвет’ как ‘цветной, разрисованный, пестрый’. Свидетельством этого является наличие однокорневого образования *Cruithin*, *Cruithni* (< **kwrītenj̄i* < *kwrīteni) и латинское *Britanni* – заимствование для обозначения Британии ее жителей (В- из Р- как результат лениции в бриттском; (*Pritani, *Priteni < **kwrīteni*²²). Полагают, что апеллятив этого имени означал ‘крашеные, разрисованные; татуированные’, что подтверждает и латинский аналог этого этнонима – *Picti* ‘пикты, народность в Каледонии’, кроме того, похожее имя имеют жители Аквитанской Галлии пиктавы – *Pictāvi* (Цезарь, отправившийся завоевывать Британию и видевший лишь жителей Южной Британии, первым из античных авторов упомянул о существовавшем варварском обычье наносить на тело узоры голубой краской).

При всей гипотетичности предполагаемого результата кельто-иранского взаимодействия, это видится не совсем невероятным объяснением узко локальной иранской семантической инновации, вероятно, в ареале скифо-сарматских языков (учитывая факты осетинского и согдийского).

Что касается вариативности исходного семантического потенциала, то дело в том, что основа **kṛsn-* как производная от **kṛs-* относится большинством этимологов с образованиями от другой ступени огласовки корня/основы и.-е. **kers-* (*:*kors-, *kērs-*), обозначающими в балтийских и германских языках пестрых животных (коров, быков) и виды рыб пестрой окраски: лит. *kéršas* ‘черный с белыми пятнами’, ‘пятнистый, рябой’, *kéršis* ‘вол пестрой масти’, *kérše* ‘пестрая корова’, *karšls* ‘лещ’ и также *kiršlys* ‘хариус’, норв., швед. *harr* (<герм. **harzu-*) ‘хариус’ (Pokorný I, 583; Mayrhofer I, 264; Fraenkel 245; Фасмер IV, 346 etc.). Здесь важно и то, что производные слав. **kras-* также способны иметь подобную семантику, ср. польск. *krasy* ‘красивый, пестрый, разноцветный’, укр. *красий* ‘пестрый, разноцветный’, диал. *красий* ‘красно-белой масти, рябой (о животном)’, рус. диал. *крась* ‘красный цвет, красота’, польск. *krasa* ‘цвет (особенно красный)’, *krásula* ‘кличка коровы бело-рыжей масти’ и нек. др.; рус. диал. *красеть* обозначает не только ‘краснеть’, но и ‘созревать (о ржи)’, ‘желтеть’²³, укр. *красіти* ‘красоваться’, диал. *красети* ‘рябить, мерцать, мелькать’ (СРНГ 15, 174; ЭССЯ 12: 98, 105–106).

В то же время такой разброс значений (‘черный’, ‘черно-белый’, ‘красно-белый’, далее ‘пестрый’, ‘яркий/цветной’ как ‘выделяющий цветом’ ~ ‘цвет’, ‘вид’, ‘внешность’) можно, видимо, считать генетически заданным. Продолжения и.-е. **ker-* (*k-* велярное и палатальное; суф. *-s-, -ko-, -no-, -ten-, -bh-*), как сообщает словарь Ю. Покорного (I, 573), обозначают преимущественно темные тона (“*Farbwurzel für dunkle, schmutzige und graue Farbentöne*”), но исходя из приведенного в словарях (Ю. Покорного и др.) материала, следует уточнить, что, наряду со значениями ‘грязь’, ‘топь’, ‘зора’, ‘сажа’, ‘копоть’, ‘грязный’, ‘темный’ (ср. др.-инд. *kárisa-* ‘отбросы, навоз’, *kardama-* ‘грязь, тина’, *kalka-* ‘грязь, нечистоты’, др.-ирл. *corcach* ‘болото’ и продолжения основы **kṛsn-* в новоиндийских языках со значением ‘сажа’, ‘копоть’, ‘грязь’²⁴), производные рассматриваемого корня часто обозначают контрастные цвета – черный и белый – и их сочетание, в которое примешивается красный (‘пестрый’, ‘пятнистый’, ‘пегий’): др.-инд. *karaṭa-* ‘темно-красный’, *kirmira-* ‘пестрый’, *kurungá-* ‘антителопа’, др.-инд. *karka-* ‘белый’, лит. *šerkšnas* ‘светло-серый’ и ‘иней’, слав. **sernъ* в др.-рус., цслав. *срѣнь* ‘бело-серый, пестрый,’ др.-инд. *śárvara-* ‘пестрый, пятнистый, пегий’, лат. *carbo*, *ōnis* ‘уголь’, *carbunculus* ‘уголек’; ‘карбункул, драгоценный камень (гранат; красноватый туф)’; гот. *hauri* ‘уголь’ и т.п. (Pokorný I, 570).

Семантика производных этимологического гнезда **ker-* (**k'er-*) и **kers-* демонстрирует пересечение значений ‘черный’ – ‘темный/грязный’, ‘белый’ – ‘светлый’ и ‘черно-белый’, ‘пятнистый’,

‘пестрый’, то есть это преимущественно обозначение основных ароматических цветов, воспринимаемых либо цельно, либо дискретно один на фоне другого, видимых на контрасте. Семантическую же эволюцию в этом гнезде следует интерпретировать как укрупнение частного признака ‘(яркий) черный’, ‘(яркий, контрастный) пестрый’ (=черные/темные пятна на белом, белые/светлые – на черном, красном) до общего ‘(яркий) вид, цвет, внешность’ и далее ‘красивый’ (ареально → ‘красный’).

Типологически подобное видим в появлении обозначений красного цвета среди производных и.-е. **peik-*: *peik- и **peig-*: *peig- ‘изображать что-л. путем вырезывания или с помощью красок; делать пестрым’ (скр. *riç-* ‘обтесывать, вырезать, украшать’, *riç-* ‘украшение, орнамент’, *riçá* ‘ пятнистый олень’, *riçáṅga* ‘красно-буровый’, *rēça-* ‘форма, вид, цвет’ при русск. *писать*, *пестрый*, лат. *pingo* ‘рисовать, украшать’ и др. (Фасмер III, 256, 261; Черных II, 26, 35). И еще в целом ряде случаев ‘пестрый’ (как ‘черно-белый’ и ‘красно-белый’) обобщается до ‘цвет’, ‘краска’ и участвует в обозначении пестрых по окраске видов рыб: ирл. *earc* ‘красный’, ‘ пятнистый’, вал. *erch* ‘ пятнистый’, греч. περκυός ‘темно-синий, черноватый’, скр. *prśni-* ‘ пятнистый, темный’ при ирл. *earc* ‘форель, лосось’, *orc* ‘лосось’, др.-в.-нем. *forhana* ‘форель’, греч. πέρκη ‘окунь’²⁵; в германских языках нем. *Farbe* ‘цвет, краска, масть животного’ (ср.-в.-нем. *varwe*, др.-в.-нем. *farawa* – субстантив от *faro* (*farawez*) ‘ цветной, пестрый ’) родственно по корню нем. *Forelle*, др.-в.-нем. *forhana* ‘форель, лосось’²⁶.

Факты языка позволяют, как кажется, предполагать, что красный, наряду с черным, представлял основу темной окраски в окружающем мире (dunkle Farbentöne). Так, продолжения и.-е. **dherg-* (:**dhorg-*) имеют значение ‘красный’ в гайдельской группе кельтских языков и ‘темный’ в германских языках, производные и.-е. **méél-* (: **móəl-*: **mlə-*) представляют темные цвета различных оттенков от почти черных до темно-красных, темно-синих. В санскрите и латинском выявляются исходно “двойные” цветообозначения, которые описывают как прототипически красные, так и черные предметы – это санскр. *tāmrá*, употребляющееся определением как к кошенили, глазам голубя, рубину, так и по отношению к вороне, которая обычно описывается с помощью ЦО ‘черный’, ср. *tāmrásakṣus* ‘красноглазый (о голубе)’, *tāmráksa* ‘темная ворона’, лат. *purpureus* (кровь, губы, мак и буря, дождь, засохшая кровь)²⁷. Но с фактами такого “притяжения” ‘черного’/‘темного’ и ‘красного’ соседствуют случаи, когда в одном этимологическом гнезде оказываются ЦО красного и белого (ср. и.-е. **k'ui-k-r-* в индоиранских языках продолжают скр. śukrá- ‘ясный, светлый, блестящий’, ‘белый’, кум. *sukilo* ‘белый, блестящий’, авест. *suxra* ‘красный (об огне)’, перс. *sorx*

‘красный’ и т.п.; Pokognu 597) или, например, предполагаемое исходное значение ‘цветной, пестрый’ реализуется в производных основ **reg-t-* и **reg-s-*, продолжающих и.-е. корень **(s)reg-*, как ЦО сочетания белого и черного, белого и красного (подобно этимологическому гнезду рассматриваемой основы **ker-s-*: **kṛs-n-*): скр. *raktá-* ‘окрашенный’, ‘красный’, ‘красивый’ (прич. от *raj-* ‘быть окрашенным’), х.-с. *rrasa-* ‘dunkelfarbig’, хор. *rōtk* ‘красный’, согд. *r̥s* ‘пестрый’, перс. *rahš* ‘красно-белое’, курд. *res* ‘черный’²⁸.

И еще о глубине исторических корней и распространенности соотносительных представлений ‘яркий’ и ‘пестрый’. Исследуя в ирландской саге мотив “кровь на снегу”, Т.А. Михайлова отмечает, что три цвета – красный, белый и черный – кодируются в тексте саги такими устойчивыми образами, как кровь, снег и оперение ворона, и что практически во всех рассмотренных примерах “мы сталкиваемся не столько с называнием определенного набора цветообозначений, сколько с созданием яркого зрительного образа”²⁹. Как следует из работ специалистов в области психологии цветового восприятия, наиболее сильнодействующими на психику и физиологию человека оказываются сочетания красного и белого цвета (особенно ярко-красного и ярко-белого), красного и черного, черного и белого, трех этих цветов вместе³⁰.

Как видим, причины значимости сочетания трех цветов (белого, черного, красного) принадлежат к глубинно-психологическим закономерностям: **красный – один из** маркированных природно ярких (контрастно-фоновых) цветов (белый, черный, красный и черно-белый, красно-белый), **формирующих общее (родовое) представление о цвете/окраске**, о чем свидетельствует “связность” семантики этимологических гнезд **kras-* и **kvēt-*. История конкретного цветообозначения (*красный*) как результат вторичной номинации демонстрирует свою “ахроматическую предысторию” и оказывается связанный с оценочностью (‘(контрастно)яркий’/‘пестрый, цветной’ → ‘красивый’ → ‘хороший’ и ‘красный’) и с истоками формирования общего понятия “цвет/тон”.

Таким образом, следует сделать вывод, что за изосемией рассмотренных на материале славянских языков этимологических гнезд стоит специфика (вариант) когнитивной “упаковки” разноцветного реального мира и это проявилось в языке как возникновение общего (инвариантного) значения на определенном этапе развития структуры двух словообразовательно-этимологических гнезд. Это общее значение, выявляющееся при анализе межсистемных семантических отношений на уровне двух этимологических гнезд, оказывается актуальным для определения непрерывности их семантического пространства и для верификации диахронной реконструкции одного из них.

Примечания

- ¹ Агеева Р.А. Предисловие // Язык: история и реконструкция. Сборник научно-аналитических обзоров. М., 1985, 4–7.
- ² Трубачев О.Н. Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976, 147–179; Топоров В.Н. О некоторых теоретических основаниях этимологического анализа // ВЯ, 1960, № 3, с. 44–59.
- ³ Трубачев О.Н. Реконструкция слов и их значений // ВЯ. 1980. № 3, 3–14. Анискин А.Е. Опыт семантического анализа праславянской омонимии на индоевропейском фоне. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1984. Варбом Ж.Ж. О возможностях реконструкции этимологического гнезда на семантических основаниях // Этимология. 1984. М., 1986, 33–40. Пятаева Н.В. Опыт динамического описания синонимичных этимологических гнезд *em- и *ber- ‘брать, взять’ в истории русского языка // Этимология. 1994–1996. М., 1997, 140–147 и др.
- ⁴ Толстая С.М. Семантическая реконструкция и проблемы синонимии в праславянской лексике // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. М., 2003, 553–561, 560.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Трубачев О.Н. Приемы семантической реконструкции // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Теория лингвистической реконструкции. М., 1988, 197–222, 209–211.
- ⁸ Иссерлин Е.М. История слова красный // РЯШ. 1951. № 3. С. 85–89; Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке. М., 1975, 162–173.
- ⁹ Суровцова М.А. Развитие цветового значения слова “красный” // РЯШ. 1970. № 3. С. 100.
- ¹⁰ Матвеенко В.А. Красота мира в древнерусских религиозных контекстах // Логический анализ языка. Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2004, 72.
- ¹¹ Васильевич А.П. Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте. На материале цветообозначения в языках разных систем. М., 1987, 15.
- ¹² Алимпиева Р.В. Семантическая значимость слова и структура лексико-семантической группы. На материале прилагательных-цветообозначений русского языка. Л.: ЛГУ, 1986, 52.
- ¹³ Thurnwald R. Psychologie des primitiven Menschen. München, 1922; Berlin B., Key P. Basic color terms. – Berkley, 1969.
- ¹⁴ Тернер В.У. Проблемы цветовой классификации в примитивных культурах (на материале ритуала идембу) // Семиотика и искусствоведение. М.: Мир, 1972, 51, 78.
- ¹⁵ Норманская Ю.В. Историко-типологический анализ цветообозначений в древних индоевропейских языках. Канд. дис. М., 2002.
- ¹⁶ Эдельман Д.И. Иранские и славянские языки. Исторические отношения. – М.: Вост. лит., 2002, 64.
- ¹⁷ Растворгueva В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков. М.: Вост. лит., 2003. Т. 2, 111.
- ¹⁸ Норманская. 2002, 143–144.
- ¹⁹ Паээлл Т. Кельты. Воины и маги / Пер. с англ. М., 2004, 113.
- ²⁰ Lexique étymologique de l'irlandais ancien de J. Vendryes. Lettre C. Par les soins de E. Bachellery et P.-Y. Lambert. Dublin; Paris, 1987, 256.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Здесь ‘созревший, годный’ как ‘окрашенный (в соответствующий цвет)’,ср. подобное в russk. *диал. бронеть* ‘светлеть, отливать желтоватым, серым, красным цветом’, ‘созревать’, укр. *броніти* ‘зреть’ и рус.-цслав. *бронъ* ‘белый’, польск. *brony* ‘гнедой’, др.-чеш. *brony* ‘белый’, рус. *броный* ‘белый, светлый’, возможно, и др.-инд. *bradhnas* ‘рыжеватый, буланый’ (Фасмер I, 217, 220).

²⁴ О продолжениях основы **k̥rsn-* в новоиндийских языках со значением ‘сажа’, ‘копоть’, ‘грязь’ см. Норманская Ю.В. Указ. соч., 144.

²⁵ Льюис Г., Педерсен Х. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. Пер. с англ. / Ред., предисл. и примеч. В.Н. Ярцевой. М., 1954, 72.

²⁶ Etymologisches Wörterbuch der Deutschen // W. Pfeifer etc. Bd. 1–2. Berlin, 1993. Bd. 1, 323–324. Рассмотренное отражение в языке пересечения понятий “пестрый” и “цвет” может дополнить типологию “пестрого”, предложенную в работах Л.Г. Невской (ср. Невская Л.Г. К типологии пестрого в балто-славянском // Славянское и балканское языкознание. Проблемы диалектологии, категория посессивности. М., 1986, 84–90).

²⁷ Норманская Ю.В. Указ. соч. 56–57, 64; наличие “двойного” цветообозначения дает основание автору предположить, что в санскрите и латинском область красного и черного цветов членилась не так, как в других древних индоевропейских языках (Там же, 40).

²⁸ Норманская Ю.В. Указ. соч., 162–163.

²⁹ Михайлова Т.А. Кровь на снегу // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 1996. № 2, 49, 51–52.

³⁰ Подробнее об этом и ссылки в выше названной работе Т.А. Михайловой.

А.Ф. Журавлев

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД СЛАВЯНО-ИРАНСКИМИ СЕМАНТИЧЕСКИМИ ПАРАЛЛЕЛЯМИ (SLAVO-OSSETICA)

Статья 2

Предлагаемая статья, охватывающая осетинский лексический материал в алфавитном диапазоне от *l* до *s*, является продолжением работы “Из наблюдений... Статья 1”¹ (от *a* до *k'*) и может рассматриваться как семантический комментарий слависта к “Историко-этимологическому словарю осетинского языка” В.И. Абаева. Характер и приемы разбора данных сохраняются в прежнем виде. Параллели, отмеченные самим В.И. Абаевым, не затрагиваются.

lasyn | lasun... (дигор.) ‘скисать’, ‘свертываться’ (например, о крови) (Абаев II, 14–15). См. в первой статье серии² (о глаголе *2axsyn | axst*).